

Василий Валерьевич ШИШКОВ

к. полит. н., доцент

Российская академия народного хозяйства

и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва, Россия

E-mail: fh55@mail.ru

МОДЕРНИЗАЦИЯ, НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ И ИНКОРПОРАЦИЯ ЭЛИТ: ИМПЕРИИ РОМАНОВЫХ И ГАБСБУРГОВ

Империя представляет собой форму политического господства над народами и территориями, основанную на военном, политическом и экономическом могуществе, осуществляемую из политического центра к периферии посредством имперского управленческого аппарата и не признающую, по крайней мере формально, равных себе по статусу в силу реализации миссии универсального характера.

Эпоха Модерна стала временем распространения господства имперских систем, большая часть народов и территорий оказались в подчинении и зависимости от власти той или иной империи.

В то же время Модерн — это эпоха, когда две основные отличительные черты имперской политики — универсализм и гетерогенность, составляющие основу имперской парадигмы, оказались перед вызовом со стороны процессов модернизации и порожденного ею национализма.

Модернизация в политической сфере привела к десакрализации имперской универсальной миссии и власти, как правило, имеющей монархический характер, потребовала нивелирования внутриимперских социальных иерархий, что наиболее последовательно выразилось в националистических идеологиях Нового времени.

Национализм поставил под вопрос объединение под единой имперской властью гетерогенных периферий, их политическую зависимость от господствующего в имперской системе центра. Социально-политические процессы эпохи Модерна потребовали от имперских элит, как в центре, так и на перифериях, пересмотра своей политики, учета новой реальности, но эти трансформации получили не одинаковое выражение в разных имперских системах.

В наиболее сложном положении оказались континентальные империи, политико-территориальный комплекс которых уже сложился ко времени полномасштабного развертывания модернизационных процессов в государствах Западной Европы. К числу таких империй, безусловно, следует отнести Российскую империю, для которой процессы модернизации оказались одним из судьбоносных испытаний.

Другим примером континентальной имперской системы выступает империя Габсбургов, которая в начале Нового времени являлась носителем идеи европейского единства под эгидой Священной Римской империи. С началом распространения модернизационных процессов Дунайская монархия столкнулась с демонтажем европейского имперского универсализма и ростом националистических требований на перифериях.

В задачи настоящей статьи входит сопоставление имперских стратегий Российской и Габсбургской империй в экспансии, интеграции периферий, управления процессами модернизации и вовлечения элит в имперскую политику.

Имперская история обеих рассматриваемых держав началась примерно одновременно — с XV в. В этот период, преодолев внутренние династические распри, набирающая политическую и военную мощь Москва покорилась Новгород (к 1477 г.) и добилась признания зависимости от других княжеств. В то же время правительство Ивана III берет курс на обретение самостоятельности от Орды, а позже начинает складываться доктрина Русского царства как продолжателя Византии, известная под общим названием «Москва — Третий Рим»¹, рассматривающая русского монарха как главу новой православной империи, преемника традиции власти Киевской Руси и Византии.

Подъем империи Габсбургов принял характер приобретения феодальных владений и титулов представителями династии. В 1438 г. ее представитель герцог Австрии, король Венгрии и король Чехии Альбрехт V был избран королем Германии под именем Альбрехта II. Он впервые объединил под своей властью Германию, Австрию, Чехию и Венгрию. При его преемнике Фридрихе III (герцоге Австрии Фридрихе V) впервые стала использоваться аббревиатура AEIOU (*Austriae est imperare orbi universo* — «Австрия должна править миром»), выражающая притязания династии.

Политика союзов, договоров², династических браков и войн заложила основы правления Карла V, властвовавшего над наиболее мощным и обширным европейским политическим образованием XVI в., в состав которого входили земли в Европе, Африке и Азии. В основе политики Габсбургов была идея универсальной христианской империи, объединяющей цивилизованные народы и упорядочивающей их жизнь. Эта идея оказывала свое влияние в Западной Европе на протяжении всего периода Средних веков.

Россия в ходе территориального расширения установила свое политическое господство в центральной части Евразии, интегрируя присоединенные территории и народы в имперский социум в качестве имперских периферий с различным политико-административным статусом. Первый этап формирования Российской империи начался уже во времена после присоединения Руси к Орде. В XV в. московские князья осуществляют «собираение русских земель». Второй этап — это борьба за наследие Золотой Орды в Восточной Европе, начавшаяся во второй половине XV в. Третий этап формирования Российской империи — это окончательный переход в Азию с завоеванием Сибири в течение XVII в. Четвертый этап формирования Российской империи привел к подчинению украинских земель власти московского царя. Пятый этап формирования Российской империи — правление Петра I, который в 1721 г. провозгласил себя Российским императором и присоединил Прибалтику³.

---

¹ Ульянов Н. Комплекс Филофея // Вопросы истории. 1994. № 8. С. 153–154.

² Ивонин Ю. Е. Становление европейской системы государств. Англия и Габсбурги на рубеже двух эпох. Минск, 1989. С. 18–20.

³ Кантелер А. Формирование Российской империи в XV — начале XVIII в.: наследство Руси, Византии и Орды // Российская империя в сравнительной перспективе / ред. А. И. Миллер. М., 2004. С. 98–100.

В XVIII–XIX вв. расширение пределов империи и сферы ее политического влияния все более осуществляется с использованием военной силы. Начиная с середины XIX в. продвижение территориальной экспансии России стало сталкиваться с нарастающим сопротивлением ведущих европейских держав. Имперская система могла себя сохранить лишь через самоосвоение, внедрение передовых социальных практик, переход к полномасштабной модернизации. Этапы территориального расширения Российской империи связаны с успехом военных или колонизационных мероприятий. Для Габсбургов попытки распространения их господства в Европе не принесли столь впечатляющих результатов.

На протяжении всего XVI в. Габсбурги пытались не только расширить собственные владения, но и распространить идею своей империи на всю Европу. Устремления династии Габсбургов были связаны с формированием всеевропейской империи, объединяющей христианские народы. Для достижения этой цели Габсбурги использовали модель Священной Римской империи, предлагая ее для Центральной Европы.

В геополитическом плане почти полуторавековая экспансия Габсбургов в Европе не привела к положительному результату, скорее, наоборот. По завершению Тридцатилетней войны династия фактически утратила контроль над имперскими землями. Германия окончательно превратилась в неустойчивую систему государств¹, вмешательство в дела которой было чревато столкновением с великими державами Европы.

Расширение имперского пространства для Российской империи оказалось связано преимущественно с успешными войнами и колонизацией земель на востоке. Наиболее существенные исключения составляют Малороссия, государства Кавказа и Казахское ханство, но и в этих случаях договорные основы интеграции имели лишь временное значение, как правило, через некоторое время следовало их включение в империю на общих основаниях.

Для Габсбургов же сложение территориально-политического комплекса оказывается связанным с договорным характером присоединения большей части подвластных им территорий, с сохранением льгот и привилегий, имеющих зачастую средневековое происхождение, за исключением земель, перешедших под власть династии в результате войн с турками. Представляется, что характер присоединения и подчинения территорий (договор или завоевание) сказался на дальнейшем характере имперских трансформаций под влиянием модернизационных процессов.

С XVIII в. начался процесс институционализации и трансформации империи Габсбургов в Австрийскую империю, в результате которого оформилось имперское пространство из наследственных австрийских земель Габсбургов, венгерских, чешских, итальянских, хорватских, словацких территорий, образующих периферию и, как правило, связанных с империей личной династической унией.

В политическом отношении Габсбургская империя была вертикально построенным союзом большого числа сословных государств — «коронных земель». Вертикальная конструкция была основана на том, что почти все земли были связаны между собой персональной унией — у них был общий монарх. Главы Габсбургской династии были королями Богемии и Венгрии, эрцгерцогами Австрии, герцогами Штирии и т. д.

Имперская территориально-политическая система Габсбургов не отличалась стабильностью, прошла через ряд кризисов и трансформаций, основной причиной которых стали социально-политические процессы эпохи Модерна. Первая трансформация,

---

¹ Дехийо Л. Хрупкий баланс: четыре столетия борьбы за господство в Европе. М., 2005. С. 93.

которую прошла империя Габсбургов, связана с Великой французской революцией, войнами с революционной, а затем с наполеоновской Францией. В 1806 г. прекратила свое существование Священная Римская империя германской нации и была учреждена Австрийская империя.

Следующий кризис, поразивший империю, разразился в 1848 г., он выразился в ряде революционных выступлений, направленных против консервативной политики Габсбургов. Его суть состояла не только в требованиях либерализации, но и в подъеме национализма. Габсбургская империя пошла на уступки только в вопросах политической организации — была принята так называемая октроированная конституция (1849). Тем не менее империи удалось удержать под своим контролем большинство своей территории, пройдя через очередную трансформацию, в результате которой была установлена ограниченная монархия — Австро-Венгерская империя, разделенная на две части: Цислейтанию и Транслейтанию.

В двуединой монархии центральная власть принадлежала императору (он был и королем Венгрии), прерогативы которого в законодательной сфере ограничивалась рейхсратом (в Цислейтании) и сеймом (в Транслейтании), ежегодными делегациями от них, также центральное правительство было представлено общеимперскими министерствами. Территориальное устройство двух частей империи было неодинаковым: Цислейтания состояла из 17 коронных земель, обладающих автономией (земельные парламенты, органы самоуправления), Транслейтания была унитарным государством, состоящим из 71 административного «комитата»¹. Разделение Австрийской империи позволило сохранить ее под властью Габсбургов, но создавало дополнительные трудности в осуществлении политического управления.

Российская империя формально была унитарным государством, но на протяжении своего существования и по мере продвижения территориальной экспансии включала в себя все новые территории, для которых было необходимо находить своеобразные формы имперской интеграции через предоставление различных форм автономии.

Российская империя, в отличие от Габсбургов, использовала различные способы оформления вхождения в состав имперской системы. Вновь приобретенные территории могли наделяться особым губернским статусом (например, Прибалтийские территории), могла признаваться значительная политическая и финансовая самостоятельность с сохранением выборного главы (Малороссия), мог и признаваться действующий правитель при назначенном представителе имперской власти (Картли-Кахетинское царство). Все эти практики имели временное значение перед включением в состав империи на общих основаниях. Тем не менее в XIX в. еще сохранялись особые автономные образования в имперской системе: личная уния, протекторат, наместничество.

Российская империя складывалась в качестве конгломерата периферий, обладающих разной степенью автономии. По мере утверждения имперской власти на включенных в состав империи территориях упразднялись особенности их статуса. По мере совершенствования и модернизации имперских институтов центрального управления упразднялась политическая автономия конгломератов, составляющих периферию. В начале XX в. политическая автономия сохранялась только за Финляндией. Бухара и Хива контролировались агентами Российской империи, также ее представители были направлены в присоединенную Туву. Местные особенности самоуправления сохранялись в Прибалтике. Империя, предоставляя автономию полученным в результате экспансии

---

¹ *Адаменко Д.* Под сенью двуглавого орла // *Империя истории.* 2006. № 4. С. 107.

территориям, не приобретала характера союзного государства¹, объединяющего территории, обладающие политической самостоятельностью. Наоборот, империя стремилась сохранить свой унитарный характер политико-территориального устройства.

Рассмотрение территориально-политических комплексов Российской и Австро-Венгерской империй показывает определенную условность отнесения обеих империй к типу континентальных. Хотя обе анализируемые империи представляли собой конгломераты периферий, объединенные вокруг территориально-исторического ядра, тем не менее Габсбургская держава существовала в форме династического союза, объединяющего «лоскутную монархию» лояльностью к монарху. Конституционные реформы, децентрализация и неустойчивость Австро-Венгрии к росту национализма видятся следствием в том числе и договорного характера этого объединения. Российская империя представляется гораздо более последовательным имперским проектом, реализующим стратегию по унификации политических и административных механизмов управления перифериями, использующим разнообразные приемы по установлению своего господства, избегая при этом долгосрочных квазифедеративных обязательств по сохранению автономии периферий.

Остановимся на вопросе имперской модернизации в рассматриваемых империях. Модернизационные процессы в империи Габсбургов долгое время не находили адекватного европейским реалиям выражения. Процесс модернизации в Австро-Венгерской монархии был сложным и противоречивым. Истоки его восходят к XVIII в. (реформы Иосифа II), но о начале масштабной индустриально-капиталистической и государственно-правовой модернизации Габсбургской империи можно говорить лишь с 60-х гг. XIX в., когда вследствие революции 1848 г., а затем и под воздействием военных поражений возникла насущная необходимость переустройства империи. Преобразования в Австро-Венгрии осуществлялись по нескольким направлениям: экономическому, административному, церковно-политическому и национальному². В экономике использование модернизационных технологий позволяло сохранять Австро-Венгерской империи свои позиции в хозяйственной жизни Европы, но экономика оставалась преимущественно аграрной. В политической сфере хотя и происходил процесс секуляризации вместе с установлением дуалистической монархии, все же фигура монарха в условиях имперской этнической и религиозной гетерогенности сохраняла свои основные прерогативы, реализацию которых вместе с интересами империи обеспечивал административно-бюрократический аппарат.

В России первые модернизационные преобразования были предприняты в конце XVII — начале XVIII в. и связаны главным образом с деятельностью Петра I. Реформы Петра I явили собой модельный образец имперской модернизации, впервые оформившейся в наиболее полном виде, в котором имперское государство — самая значимая, доминантная ценность, а властитель воплощает в своей персоне власть и идею общественного блага³. Такой характер модернизационных преобразований позволил сочетать мобилизационные усилия, направленные на достижение уровня экономического развития ведущих государств с сохранением сакрального самодержавно-имперского властного начала, воплощенного в персоне монарха.

---

¹ *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. М., 2005. С. 263.

² *Нестерова О. В.* Австрийские либералы и проблемы модернизации империи Габсбургов в 1860–1870-е гг.: автореф. дис. ... к. и. н. Тамбов, 2004. С. 3.

³ *Гавров С. Н.* Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М., 2004. С. 88–89.

Начало следующего этапа модернизационных преобразований связано с реформами Александра II. К началу реформ потребность в серьезных преобразованиях империи и общества давно назрела, но импульсом к их началу стала неудачная для России Крымская война. «Модернизация сверху» изначально носила инструментальный характер и была нацелена лишь на обеспечение военно-политического могущества России, восстановления ее статуса великой державы, преобразования же в других сферах носили подчиненный характер¹.

Несмотря на то что «модернизация в России могла опираться только на те социальные силы, которые были в то время в наличии, и могла быть только «консервативной» в соответствии с характером этих сил — в основе своей архаичных, «средневековых»², в наиболее образованных слоях российского общества сформировался запрос на полномасштабные модернизационные преобразования, реализовать которые имперская властная система, сконцентрированная вокруг самодержавного монарха, заведомо не могла.

Свернуть с колеи патриархального имперского развития на том этапе исторического развития так и не удалось, на что указывает С. Н. Гавров. Задача, заключающаяся в создании эффективного, работающего, жизнеспособного симбиоза между феодально-имперской и либерально-капиталистической системами, оказалась на этом этапе исторического развития страны не просто трудной, но неразрешимой. Возможности адаптационного развития монархической системы приближались к своему естественному истощению³. Империя оказалась заложницей того социального порядка, который сформировался за века успешной экспансии. Огромная инерция имперской системы не позволяла придать модернизационным изменениям необходимые качество и темп, что позволило бы преодолеть социальные преграды, стоящие на их пути. Только революционные выступления 1905 г. вынудили имперский правящий слой всерьез обратиться к поиску оптимальных путей учреждения конституционного строя в империи, государственный строй которой в своих основах оставался неизменным со времен Петра I. Но и в этом случае нельзя сказать, что политическая модернизация приобрела характер последовательной политики верховной власти, вскоре, в 1907 г., она пошла на восстановление своих prerogatives и установление контроля за деятельностью Государственной думы.

Обе рассматриваемые империи вступили в эпоху Модерна в качестве государств с аграрной экономикой, для которых модернизационные преобразования носили главным образом вынужденный «догоняющий» характер. Тем не менее, как представляется, Российская империя имела преимущества для последовательного внедрения модернизационных институтов и механизмов как более централизованное и политически консолидированное государство, не говоря уже о преимуществах, связанных с количеством населения и размером территории. Реализация модернизационных программ могла приобрести управляемый, поэтапный характер: от решения аграрной проблемы и вопросов индустриального развития к социальным и политическим преобразованиям. При этом политические вопросы, затрагивающие империю в целом, все более выходили на первый план в модернизационной повестке, но самодержавная власть в конце

---

¹ Каснэ С. И. Империя и модернизация: общая модель и российская специфика. М., 2001. С. 135, 138.

² Сидорина Т. Ю. Кризис XX века: прогнозы русских мыслителей. М., 2001. С. 162–163.

³ Гавров С. Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. С. 101, 105–106.

XIX в. «заморозила» решение вопросов политических реформ, неизбежно связанных с ее десакрализацией и ограничением. Теория «Православие. Самодержавие. Народность», выражающая священную незыблемость прерогатив имперской монархии, ее патриархальный характер оставалась неизменной доктриной царской власти и сторонников политики ее укрепления.

Габсбургам приходилось постоянно иметь в виду сложносоставной характер их империи, выражающийся в существовавших со времен Средневековья привилегиях и автономиях, входивших в империю территорий. В случае с Габсбургами, как отмечает Дж. Бройи, важно то, что это было изначально феодальное государство, в котором местная власть принадлежала привилегированным группам. В империи Габсбургов развитие националистической оппозиции было обусловлено именно процессом политической модернизации. Эта националистическая оппозиция смогла вобрать в себя идеи, выработанные извне, но имеющие для ее ситуации некий особый смысл, способные объединить вокруг себя разнообразные элиты и снискать себе поддержку масс¹. В то же время имперский дуализм и ограничение монархической власти позволяли временно сгладить нарастающие националистические требования. Иными словами, с одной стороны модернизация способствовала росту национального самосознания этнических окраин Дунайской монархии, но, с другой стороны, ограниченная демократизация и политический раздел империи помогли сдержать радикальные выражения национализма. При этом в дуалистической империи persona монарха приобрела еще большее значение для правящего имперского класса в качестве сосредоточия патриархального имперского порядка.

Очевидно, что в свете модернизационных преобразований национальный вопрос приобрел для Габсбургской империи первостепенное значение, во многом заслонив другие процессы. В связи с этим Х. П. Хёе отмечает, что, несмотря на экономическую интеграцию и общую к 1914 г. юридическую систему, не существовало общего стремления к объединенному обществу, способного пересилить центробежное национально-этническое развитие².

Национализм на перифериях оставался основным фактором, дезинтегрирующим габсбургскую монархию, проблема усугублялась еще и влиянием германского национализма на титульный этнос империи — австрийских немцев.

Процесс формирования национальных общностей в рамках империи Габсбургов представляет собой особый опыт в практике полиэтничных государств Европы XIX в. При этом природу внутреннего национализма Габсбурги не понимали³, и самые большие трудности на пути формирования самостоятельного национального сообщества предстояло преодолеть титульному этносу Габсбургской империи — австрийским немцам. Слишком долго здесь сказывалось наличие многовековых этнокультурных и исторических традиций, связывавших немецкоговорящие европейские нации. И в первую очередь, речь шла о прямом, а еще чаще косвенном воздействии германского, точнее,

---

¹ Бройи Дж. Подходы к исследованию национализма // Нации и национализм / ред. Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. М., 2002. С. 228, 230.

² Хёе Х. П. Элиты и имперские элиты в Габсбургской империи, 1845–1914 // Российская империя в сравнительной перспективе. С. 156.

³ Taylor A. J. P. The Habsburg Monarchy 1809–1918: A History of the Austrian Empire and Austria-Hungary. London; New York, 1990. P. 87.

общегерманского фактора, как заключает Е. В. Сироткина¹. Образование единого германского государства стало испытанием династической преданности австрийских немцев, оказавшихся в империи, объединяющей многие другие народы.

В результате поражения в борьбе за доминирование в Германии и за сохранение итальянских владений, а также последующий внешнеполитический союз с Германией во многом сняли напряжение вокруг национального самоопределения итальянцев и австрийских немцев. Итальянский и немецкий национальные вопросы потеряли свою прежнюю актуальность как факторы, угрожающие самому существованию монархии. Империя избавилась от тяжкого бремени. При этом уход Австрии из Германии явился первой политической предпосылкой для самоидентификации австрийских немцев в качестве отдельной от Германии самостоятельной нации². Империи удалось удержать под своим контролем большинство своей территории, пройдя через очередную трансформацию, в результате которой была установлена ограниченная монархия — Австро-Венгерская империя, как указывалось выше, разделенная на две части. Наиболее острой для Габсбургской империи в середине XIX в. была проблема роста венгерского национализма, ее удалось решить только ценой раздела империи, в одной из частей которой — Транслейтании — венгры стали доминировать в институтах власти, несмотря на то что в этой части империи проживали и другие имперские этносы. Такое решение вопроса венгерского национализма хотя и предотвратило насильственный распад империи, обеспечив лояльность венгерских элит империи, обострило проблемы, связанные с ростом национального сознания других народов, находившихся под властью венского правительства: хорватов, словаков, сербов и т. д. Существенным обстоятельством политического развития империи Габсбургов после «компромисса 1867 г.» было то, что общеимперские представительные органы оказались мало способны повлиять на политику аристократической элиты, местные вопросы решались парламентами земель, при этом политические партии находились на стадии формирования со всеми сложностями и противоречиями этого процесса (в начале XX в. в империи было 20 парламентов и 27 парламентских партий). В этих условиях главным фактором, удерживающим империю от распада, оставалась сама династия. С. Вэнк пишет, что «лояльность императору Францу Иосифу означала преданность ему лично, но не составную часть [более широкого понятия] лояльности габсбургскому... государству»³. Династическая империя, несмотря на свою способность к трансформациям, оказалась не в силах преобразовать себя в современную политическую систему. Сохраняющийся патриархальный характер имперской власти обеспечивал единство державы Габсбургов, но делал имперскую систему не способной удовлетворить националистические стремления подвластных этнических групп.

Российская империя, как и Габсбургская монархия, не оформила свой центр в виде национального государства. Более того, невозможно было выделить пространство русской национальной территории в категориях символической географии. Тем не менее, как отмечает А. Миллер, существовало стремление русских националистов к русифи-

---

¹ Сироткина Е. В. Проблема национальной самоидентификации австрийских немцев в середине XIX — начале XX в.: автореф. дис. ... к. и. н. Тамбов, 2005. С. 3.

² Исламов Т. М. Империя Габсбургов. Становление и развитие. XVI–XIX в. // Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 26.

³ Wank S. The Nationalities Question in the Habsburg Monarchy: Reflections on the Historical Record // Austrian History Yearbook 28. Minneapolis. P. 9–10. URL: <http://www.cas.umn.edu/assets/pdf/WP933.PDF>

кации империи в том смысле, что русские должны были занять в ней господствующее положение как нация, подобно положению французов или британцев в «их» империях¹. Однако к русификации имперская власть долгое время относилась настороженно, если не враждебно², настаивая при этом на унификации основных законов империи.

Под русификацией отечественный исследователь А. Миллер понимает комплекс процессов и взаимодействий, направленных на аккультурацию и ассимиляцию, внедрение административных и символических практик. Русификация далеко не всегда приводила к изменению этнической принадлежности, религии, культуры народов империи, поскольку преследовала различные цели в зависимости от времени и региональных особенностей. Политика империи в отношении различных национальных групп была диверсифицированной, часто противоречивой и непоследовательной, и понятие «русификации» далеко не всегда адекватно ее описывает. Пониманию русификации наиболее полно соответствует ситуационный подход, показывающий ее специфику как крестьянской, казачьей, переселенческой. Отдельно стоит кадровая русификация, связанная с унификацией и централизацией имперской администрации, введением правил делопроизводства и назначением чиновников с расчетом на русификаторский эффект³.

По мнению А. Ю. Полунова, «континентальный характер Российской империи вызвал у теоретиков национализма определенную аберрацию понимания: Россия воспринималась как возникающее национальное государство, а не как полиэтническая империя, что вело к многочисленным конфликтам»⁴. Империя оставалась гетерогенным в политическом, культурном, этническом и религиозном отношении образованием, и русификация при всей своей условности и неоднозначности осуществлялась как бюрократическая и культурная политика, была направлена на формирование лояльности населения, в зависимости от ситуации, по культурному, религиозному и этническому признакам к самодержавному строю империи.

Империя видела в русификации не политику, приводящую к этническому, культурному, языковому однообразию, а способ обеспечения лояльности подвластных народов на основе единых имперских стандартов и идеологии. Политическое содержание мероприятий имперского центра по русификации превалировало над другими ее составляющими — в этом состоит специфика и в какой-то степени условность понятия «русификация». В утверждении «русскости» империя в лице ее высших правящих и династических кругов видела основу своей легитимности. В итоге не вполне определенные по целям и задачам попытки «русификации», предпринимаемые имперским правительством, подменяли процесс образования имперской национальной идентичности, которая могла основываться на русской этничности, образующей ядро имперской системы. Можно констатировать, что сложившиеся в империи социально-политические порядки не создавали условий для образования главного движителя модернизации и в значительной степени ее самоцели — политической нации.

---

¹ Миллер А. Империя и нация в воображении русского национализма. Заметки на полях одной статьи А. Н. Пыпина // Российская империя в сравнительной перспективе. С. 267, 279.

² Сендеров В. А. Русская империя против русского национализма // Вопросы философии. 2008. № 9. С. 138.

³ Миллер А. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С. 10, 56, 58, 72–74.

⁴ Полунов А. Ю. О религии и империи: миссии, обращения и веротерпимость в царской России // Отечественная история. 2003. № 5. С. 201–202.

Процессы роста национализма на перифериях Российской империи, за исключением националистических притязаний поляков и финнов, оставались скрытыми для имперского правительства, а в начале XX в. их заслонили социально-политические вызовы — революция, установление парламентаризма, аграрная и другие реформы.

При всем том, что образ России как «тюрьмы народов» далек от действительности, тем не менее отсутствуют достаточные основания для того, чтобы считать политику царской России в отношении «инородцев» полноценной национальной политикой. Ее направленность состояла в упорядочении жизни «нецивилизованных» народов по имперским стандартам и языково-конфессиональной ассимиляции этносов западной окраины империи. Правящие круги империи предпочитали «не замечать» националистических требований на перифериях, считая достаточными и эффективными действия по их подавлению и ограничению развития культурной самоидентификации народов империи.

В империи только формировались основы общеимперской национальной идеологии, в основе которой была идея о «единой и неделимой России», но при этом самодержавная власть предпочитала использовать проверенные способы поддержания легитимности, связанные с опорой на общинность, «русскость» и православие.

В преимущественно аграрном, слабо затронутом модернизационными процессами сложносоставном обществе Российской империи, национальные движения только набирали силу, не имея под собой развитой социальной основы. Патриархальный уклад деревенской жизни выстраивал личностную иерархию, заменявшую крестьянину знание основ государственного устройства, сутью которой была цепочка: мужик—община—барин—царь. Разрушение этой цепочки после реформ 1860-х гг. привело к краху единственной социальной вертикали российского общества, создававшей иллюзию национального единства¹. Инициированные «сверху» преобразования, все более углубляли противоречия между социально-экономической жизнью России и ее политической системой. Рост националистических движений в центре и на перифериях отражал это основное противоречие бытия империи на рубеже XIX—XX вв.

Революционные события 1917 г. сделали очевидными процессы роста национального самосознания, которые до этого момента имели латентный характер в патриархальной имперской системе России. Представляется, что послереволюционный «взрыв национализма», разрушивший империю Романовых, стал «внезапным» в силу того, что национальный вопрос находился в тени проблем социально-политической и экономической модернизации и его решение осуществлялось локальными мерами имперских властей, направленных на подавление национально-культурной самоидентификации народов империи.

«Национальный вопрос» имел разное значение для империй Габсбургов и Романовых. Для Дунайской монархии в силу того, что ее территория состояла из этнических автономных образований примерно одного уровня социально-политического развития (традиции уходили в Средние века), проблема интеграции в имперском пространстве приобрела особо важное значение. Для ее временного решения потребовалось разделить империю на две части и учредить общеимперские представительные органы. Несмотря на эти меры, нарастающие националистические требования имперских этносов в дальнейшем потребовали для своего решения перехода к федеративной территориально-политической организации. В Российской империи проблема национализма не имела такого выраженного характера, ее заслоняли социально-политические проблемы обще-

---

¹ Люкшин Д. Национальная карта // Родина. 1996. № 12. С. 15–16.

имперского характера. Требования культурной автономии, озвученные на перифериях, находившихся на разных этапах общественного развития в начале XX в., лишь стимулировали поиск властью новых инструментов политики «русификации». При этом, самой властью не было однозначно определено, что такое «русификация». С большой долей условности под этим можно понимать стремление к образованию имперской нации на основе русских, украинцев и белорусов. Несмотря на националистические движения на перифериях, самодержавная власть стремилась сохранить в целом унитарное территориально-политическое устройство империи, не отвечающее ее реальной разнородности, не допуская дальнейшей автономизации периферий и их адекватного политического представительства на общеимперском уровне.

И Австро-Венгерская, и Российская империи видели свою опору в аристократической элите, однако в условиях модернизационных преобразований перед имперскими правительствами возникла проблема переформирования элит в центре и изменения отношений с элитами периферий.

Модернизация предъявляла новые требования к имперскому управлению, что было связано с бюрократизацией государственного аппарата империй. Для Габсбургской империи бюрократия вследствие конституционных экспериментов 1850-х и 1860-х гг. стала одним из элементов в новой трехчленной административной структуре, включавшей политически влиятельную систему местных и региональных корпоративных организаций, в которых нашла убежище знать¹. На высшие уровни имперской элитной иерархии представители бюрократии, за редким исключением (например, министр-президент М. фон Бек), не были допущены. В отношении кооптации периферийных элит после 1867 г. династии пришлось разделить власть с аристократиями Венгрии и других территорий, тем не менее договора с бюрократическим классом периферий не состоялось.

Х. П. Хёе, связывая процессы модернизации, автономизации, а в перспективе и федерализации империи, отмечает, что с этой перспективой «не могла примириться значительная часть политического класса империи. Двор, военный и дипломатический секторы оставались вне распространения федерально-автономистских отношений, поскольку их интересам прежде всего служили стабильность и укрепление единства империи. С началом войны центральную роль вновь захватили военные элиты. Их поражение означало бесповоротный конец империи»². В конечном счете династии Габсбургов удалось гарантировать лояльность аристократических элит в центре и на перифериях, избегая полномасштабного сотрудничества с бюрократическим классом, она стала заложницей антимодернистских устремлений аристократии, вынудивших империю искать пути преодоления накапливающихся противоречий в агрессивной внешней политике.

Российская империя также традиционно опиралась на сотрудничество сначала со «служилым сословием», а на более поздних этапах развития империи — на аристократию. Д. Ливен высказывает мнение, что основой империи был союз между царем-автократом и наследственным классом военных-землевладельцев, сохранявшийся в некотором смысле до 1917 г., инкорпорирующий в свой состав элиты периферий³. С этой точки зрения элита империи имела военно-аристократический характер, сохранявшийся до XIX в., когда начала формироваться образованная гражданская элита, немалая

---

¹ Рибер А. Сравнивая континентальные империи // Российская империя в сравнительной перспективе. С. 49–51.

² Хёе. Элиты и имперские элиты в Габсбургской империи, 1845–1914. С. 168, 170.

³ Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI в. до наших дней. М., 2007. С. 386, 398.

часть которой в начале XX в. не поддерживала самодержавный строй. Инкорпорация периферийных элит, которые также имели аристократический характер, как правило, была связана с включением ее представителей в военную иерархию империи.

В случае Российской империи вопрос о вовлечении элит в имперскую политику предусматривал не только лояльность правящей династии, но и вообще приверженность самодержавному строю, залог которой все больше виделся в утверждении «русскости» и православия.

В связи с этим можно привести мнение Р. Суни о том, что основными причинами неудачи русского национального проекта были: самодержавная концентрация власти, сословная структура общества и неудачная попытка русской элиты предложить ясную идею русской нации, разработать идентичность, не сводимую к религиозному (православному), имперскому, государственническому, или узкоэтническому сознанию¹. Приверженность монархии традиционным принципам самодержавия, ее политика после 1905 г., направленная на их возможно более полное восстановление, все больше отталкивали от империи элитные группы, возникновение которых было связано с социально-политической модернизацией (руководство либеральных и социалистических политических партий, часть высшей бюрократии), как в центре, так и на перифериях. В этих условиях Романовы, как и Габсбурги, искали новые способы укрепления лояльности элиты, один из которых связывался с противостоянием внешнему врагу.

В отношении элит рассматриваемые империи использовали схожие сценарии власти, опираясь главным образом на аристократию, представленную как в центре, так и на перифериях. При этом, как отмечает А. Каппелер, и Романовы, и Габсбурги «не заключили долгосрочных коалиций с «плебейскими» элитами»². Это связано с тем, что формирующиеся в условиях развертывания модернизационных преобразований новые группы, претендующие на элитный статус, оказывались привержены новым ценностям (демократия, национализм), подрывающим сакральные устои патриархального строя империй Романовых и Габсбургов. Не менее существенными видятся различия политики империй в рассматриваемом аспекте: в Габсбургской империи, изначально имеющей характер союза между династией и землями, удавалось ценой существенных уступок сохранить союз с элитами периферий не только посредством традиционных механизмов вовлечения элитных групп, но и через развивающиеся бюрократические и представительские институты; в Российской империи ситуация представляется более сложной: имперская власть, ставящая перед собой цель сохранения основ самодержавия, привлекала только ту часть элит, которая разделяла это ее устремление, при этом в отношении инородческих элит эффективно действовал только механизм их привлечения через военную службу. В империи Романовых серьезное влияние на консолидацию элит вокруг династии оказывали не только проблемы, связанные с ростом национализма на перифериях, но и трудности социально-политической модернизации, ее консервативный характер, отталкивающий от имперской власти новые элитные группы.

Подводя итоги сопоставления империй Габсбургов и Романовых, следует сказать, что общей для обеих империй была не только их принадлежность к континентальному типу. Общими чертами для этих империй были «догоняющий» характер модернизации,

---

¹ Суни Р. Империя как она есть: имперская Россия, «национальное» самосознание и теории империи // *Ab Imperio*. 2001. № 1–2. С. 48–49.

² Каппелер А. Центр и элиты периферий в Габсбургской, Российской и Османской империях (1770–1918 гг.) // *Ab Imperio*. 2007. № 2. С. 44.

исключительная роль династической лояльности элит, геополитические устремления, присущие им до конца их существования. В свете такого набора общих черт значительный интерес представляют отличия двух империй. Территориально-политический комплекс империи Габсбургов сложился в качестве династического союза этнотерриториальных образований, приобретающих все большую самостоятельность в дуалистической империи, с перспективой ее преобразования в федеративный союз. Российская империя к XX в. объединила конгломерат гетерогенных периферий, их интеграция, за редким исключением (например, Финляндия), была связана с унитаризацией имперского пространства. В Российской империи общеимперские проблемы социально-политической модернизации оттеснили на второй план «национальный вопрос», который неравномерно проявлялся у разных этнических групп империи. Габсбургская монархия ввиду роста национализма вынуждена была пойти на раздел империи, соединенной теперь только династической лояльностью. Безусловно, обе рассматриваемые империи сохраняли патриархальные основы имперской государственности несмотря на набирающую силу социально-политическую модернизацию, наиболее явно это видно в политике по отношению к элитам центра и периферий. Но и в этом случае Российская империя демонстрировала большой консерватизм, по сути, напрямую связывая лояльность элит с верностью идеалам самодержавия.

В целом, на протяжении второй половины XIX в. империи и их политические классы находились в постоянном поиске адаптационных приемов, позволяющих управлять модернизационными процессами и совместить гетерогенную империю, в которой наблюдался постоянный рост национализма, с необходимостью сохранения ее единства. Однако нельзя сказать, что в начале XX в. империи исчерпали запас политической устойчивости, только потрясение Первой мировой войной разрушило их, при этом Габсбургский союз распался на несколько суверенных государств, в то время как после распада Российской империи, за исключением Польши, Финляндии и Прибалтийских республик, не образовалось устойчивых национальных государств и история большинства народов постимперского пространства оказалась связана с образованием СССР, предпринявшим реализацию нового универсального проекта.